

«Вовремя подмечать и улавливать потребности и настроения»: Попытка введения

Представления об иных этносах, странах, культурах — неотъемлемая и принципиально важная составляющая национального самосознания, ибо именно эти представления позволяют судить о том, как данная нация видит свое место в мире, как она определяет отношение своей культуры к другим культурам, своей системы ценностей к системам ценностей иных народов. Эти представления, как правило, не только включают в себя те или иные мнения, но и выражают эмоциональное отношение к объекту. Они различаются по степени их достоверности и детализации, а также, иногда существенно, по эмоциональной окраске; складываются исторически и зависят от ряда факторов — от того, кто выступал их носителем («книжники», естественно, имели гораздо более детальные и достоверные представления о том или ином народе по сравнению со стереотипами, существовавшими в массовом сознании), а также от территориальной близости, длительности исторических связей с данным народом, характера этих связей и т. д.¹

В большинстве исследований, посвященных представлениям о внешнем мире, иных этносах, культурах, государствах, речь идет об **этнических стереотипах**, под которыми понимаются, соответственно, образы этнических групп². Однако это понятие является односторонним, ибо подразумевает лишь представления об определенных чертах национального характера, обычаях, особенностях быта. Но есть еще представления о тех или иных государствах, которые составляют важную часть картины внешнего мира, есть представления о мировой культуре и т. д.

¹ О формировании подобных представлений в ходе российской истории см.: Борисов Ю. С., Голубев А. В., Сахаров А. Н. История. Россия и Запад // Образ России. Русская культура в мировом контексте. М., 1998. С. 21–37.

² Обзор литературы по данной проблеме см.: Зак Л. А. Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М., 1976; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998.

Столь же односторонним является и другое понятие — **внешнеполитические стереотипы**³, ибо в этом случае как бы за рамками остаются представления о быте, культуре, национальном характере. Вместе с тем, внешнеполитические стереотипы представляют собой следующий этап в восприятии внешнего мира.

На определенной стадии этнические и внешнеполитические стереотипы дополняются и частично вытесняются **инокультурными стереотипами**, которые включают в себя, помимо прочего, представления о той или иной национальной истории, культуре, современной жизни.

Именно на основе инокультурных стереотипов возникают так называемые **образы**, которые отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт, и возникают в индивидуальном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы⁴.

Вместе с тем термин «инокультурные стереотипы» может применяться и как общий, относящийся ко всей совокупности устоявшихся представлений о внешнем мире (этнических, внешнеполитических и пр.)⁵

В последнее время появилась и приобрела определенное признание концепция географических образов, сформулированная Д. Н. Замятиным: «Географические образы — это достаточно устойчивые, стратифицированные и динамичные геопространственные представления, которые соотносятся с какими-либо политико-, историко- или культурно-

³ Этот термин был предложен еще в 1960-е годы (наравне с «дипломатическими стереотипами»). См.: Зак Л. А. Указ. соч. С. 76–103. С середины 1990-х годов он широко включается в научный оборот. См., например: Голубев А. В. Запад глазами советского общества (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 104–120; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века; и др.

⁴ О разнице между образами и стереотипами см.: Егорова Е., Плешаков К. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 12.

⁵ См.: Голубев А. В. Эволюция инокультурных стереотипов советского общества // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. М., 2005. С. 98–116.

географически выделенными территориями»⁶. Однако если сам автор концепции подразумевает под географическими образами прежде всего «геопространственные представления», некоторые его последователи идут гораздо дальше. Как подчеркивает А. А. Василенко, «базовым для исследования является концепция географических образов», при этом «образ Германии понимается как определенная целостность ощущений и пространственных представлений, обусловленная знаниями о географии страны (природа, ландшафты, важнейшие реки и т. п.), а также представлениями о политическом устройстве страны, ее истории, культуре, быте, нравах и т. п.; причем разносторонние сведения о стране способствуют формированию устойчивого, целостного образа»⁷.

Столь расширительное толкование «географических образов» трудно признать удачным: представления о политике, истории, культуре, быте и т. д. далеко выходят за рамки географии; более того, чисто географические представления играют в образе страны явно второстепенную роль.

Говоря о формировании инокультурных стереотипов как коллективных представлений, необходимо подчеркнуть одну особенность этого процесса. Как известно, само наличие, сложность и адекватность представлений о внешнем мире зависят от двух факторов: возможности получать информацию и желания получать информацию. Очевидно, что их наличие не всегда совпадает, и человек, по своему статусу имеющий доступ к информации, скажем, о внешнем мире, может совсем не использовать свои возможности. С другой стороны, человек обладающий навыками аналитического мышления, в современном обществе может при желании извлекать достаточную информацию из самых разнообразных, иногда случайных и поверхностных, источников.

Модернизация как переход от традиционного общества к индустриальному, помимо реформы политического строя, возрастания социальной мобильности, индустриализации, урбанизации, роста образования включает в себя также необратимые

⁶ Замятин Д. Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб., 2003. С. 183.

⁷ Василенко А. А. Образ Германии в интеллектуальной среде России 30–40-х гг. XIX в. Автореф. канд. дисс. Омск, 2007. С. 18.

изменения в системе ценностей, в глубинных основах культуры. Именно с этой точки зрения попытаемся проследить динамику восприятия Запада как одновременно эталонного и альтернативного культурно-исторического типа массовым сознанием советского общества.

В начале XX века в российском обществе происходит постепенное вытеснение традиционных этнических стереотипов стереотипами с ярко выраженной политической окраской или внешнеполитическими стереотипами. Другими словами, образ немца, англичанина, поляка в значительной степени сменяется образом Германии, Великобритании, Польши как геополитической реальности.

Внешнеполитические стереотипы имели важное отличие: они обладали относительно большей гибкостью, так как зависели от конкретной международной ситуации и в значительной степени формировались официальной пропагандой. Вместе с тем важно уточнить, что далеко не все изменения международного контекста и далеко не все зигзаги пропаганды оказывали воздействие на массовое сознание; в случаях же, когда подобное воздействие фиксируется источниками, оно нередко приводит к самым неожиданным последствиям.

Подобные представления господствовали в массовом сознании на протяжении всего межвоенного периода. Этому способствовала всеобщая политизация массового сознания, вызванная потрясениями начала века. Сначала — проигранная русско-японская война, заставившая даже тех, кто никогда не интересовался политическими вопросами, по-новому взглянуть на место России в мире; революция 1905 г. и последовавшие за ней изменения в политическом строе государства и жизни деревни. В еще большей степени на массовое сознание повлияла первая мировая война. Как писала газета «Московская копейка» 19 января 1915 г., «темный деревенский народ, как никто, интересуется войной, попавшая в деревню газета прочитывается и перечитывается по нескольку раз, зачитывается до дыр, до лохмотьев. Читают вдумчиво, разбирая внутренний смысл каждой строчки»⁸. В годы войны, как вспоминал

⁸ Цит. по: Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 — март 1918 г.) Екатеринбург, 2000. С. 110.

впоследствии провинциальный издатель, тираж губернской газеты вырос с 7 до 10 тыс. экземпляров, причем впервые газету стали выписывать рабочие (хотя пока и немногие).

В ходе войны Запад (расколовшийся на врагов и союзников⁹) стал вызывать не просто интерес, но интерес в высокой степени эмоционально окрашенный. Наблюдатели последовательно фиксировали невиданный всплеск антигерманских настроений, целенаправленное формирование «образа врага» в лице немцев и их союзников, а к концу войны — стихийные, но все же достаточно распространенные антисоюзнические и даже, хотя в гораздо меньшей степени, прогерманские настроения¹⁰.

Вспоминая в феврале 1925 г. динамику массовых настроений времен мировой войны, М. М. Пришвин записал в дневнике: «История осознания простолюдином войны и революции как эволюция представления о враге:

1) Немец — враг (отечество).

2) Немец превращается во внутреннего немца: душат шпионов.

3) Внутренний немец — помещик (Вильгельм прилетел на аэроплане к такому-то помещику и забрал планы).

4) Внутренний немец продал Москву и Петроград (письмо с фронта).

5) Внутренний немец — буржуазия (начало революции).

6) В поисках внутреннего немца (врага) дошли до середняка...»¹¹.

⁹ О формировании и функционировании «образа врага» в российском обществе первой половины XX в. см.: Сенявская Е. С. «Образ врага» в сознании участников первой мировой войны // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 75–85; Она же. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 36–75; Россия и Запад... С. 235–274. Об «образе союзника» см.: Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. Голубев А. В. «Царь Китаю не верит...» Союзники в представлении российского общества 1914–1945 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 317–355; Россия и Запад... С. 275–290; Сенявская Е. С. От временных союзов к военно-политическому противостоянию: динамика восприятия Англии, Франции и США в российском и советском общественном сознании первой половины XX века // Проблемы российской истории. Вып. 6. Магнитогорск, 2006.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Поршнева О. С. Указ. соч.; Россия и Запад... С. 53–67.

¹¹ Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. Кн. 4. М., 1999. С. 227.

Однако мировая война, при всей своей масштабности, оказалась лишь прологом к гораздо более сильным социальным, политическим, культурным, и, разумеется, психологическим потрясениям — свержению монархии, возникновению Российской республики, большевистской революции, гражданской войне. И Пришвин пишет: «После этого центральная власть окончательно утвердилась и, прибрав всех к рукам, начала все сначала: внутренний немец опять вывернулся вовне и стал всемирной буржуазией. Началась война против всего света: значит, предмет опять исчез...»¹²

Победа революции привела к дальнейшей мифологизации массового сознания, особенно в эпоху существования тоталитарного политического режима, в 1930–50-е годы. Этот режим, как и все режимы данного типа, отличался двумя особенностями. Во-первых, он стремился контролировать не только те или иные действия, но также эмоции и мысли населения. Во-вторых, подобные режимы обладают способностью создавать для себя массовую поддержку. Одним из основных средств достижения этого являлась мобилизация общества или его значительной части для достижения единой цели, имеющей общенациональное значение.

Уже эти особенности тоталитарных режимов указывают на их тесную связь с процессами, происходящими в массовом сознании. С ними связано возникновение этого типа режимов; с другой стороны, тоталитаризм не мог не наложить отпечаток на общественное сознание. В частности, он способствовал консервации мифологического типа сознания, на который опирался¹³.

В качестве общенациональной цели, способствующей его легитимизации, сталинский режим выдвигал программу качественного обновления страны, включающую индустриализацию, преобразование сельского хозяйства и культурную революцию. В сущности это была программа модернизации (хотя сам термин и не употреблялся), ведущая к превращению России в индустриальное общество. процесс модернизации сам по

¹² Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. Кн. 4. М., 1999. С. 225.

¹³ Подробнее см.: Голубев А. В. Мифологизированное сознание как фактор российской модернизации // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.) М., 1994. С. 187–204; Он же. Тоталитаризм как феномен российской истории XX века // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.) М., 1999. С. 7–33.

себе сокращал сферу мифологического сознания, по крайней мере, это происходило в других обществах. Впрочем, эти последствия модернизации проявились лишь какое-то время спустя.

В отличие от режимов авторитарных, тоталитарный режим не стремился держать массы в стороне от политики, напротив, происходила всеобщая, сознательно подталкиваемая политизация массового сознания. Уже в первые годы после революции была создана невиданная в истории система учреждений и механизмов, преследующих чисто пропагандистские цели. Определенная картина внешнего мира представляла собой неотъемлемую часть официальной мифологии. В полном соответствии с описанными выше механизмами мифологического сознания она представляла мир как арену великой борьбы между силами прогресса, олицетворяемыми в первую очередь коммунистическим и рабочим движением, и силами реакции, причем победа первых была неотвратима, как второе пришествие Христа в представлении верующих.

И новый жизненный опыт, полученный российским обществом, и все расширяющаяся система официальной пропаганды вели к тому, что внешний мир, даже в отдаленных районах страны, в сельской «глубинке», на национальных окраинах, стал восприниматься как некая реальность, имеющая отнюдь не абстрактное, а вполне практическое значение для повседневной жизни (в том числе для ведения крестьянского хозяйства, для уровня жизни рабочей семьи и так далее).

Порой ощущение этой взаимосвязи принимало анекдотические формы. Так, в мае 1924 г. М. М. Пришвин записал в дневнике: «Отставка Пуанкаре¹⁴. Мне отказали в издании книжки, мотивируя тем, что в переживаемый момент приходится отказаться от беллетристики. Дня через два я встречаю Тальникова, и он мне говорит, что, по всей вероятности, книжку мою издадут: передумали. А на мой вопрос, почему такая перемена, Тальников ответил, что за эти дни неожиданно слетел Пуанкаре, от этого наши повеселели и решили пока что... издавать беллетристику.

¹⁴ Пуанкаре Раймон (1860–1934), президент Франции в 1913 — январе 1920 г., премьер-министр в 1912 — январе 1913, 1922–1924 и 1926–1929 гг., неоднократно занимал пост министра. Проводил милитаристскую политику (прозвище «Пуанкаре-война»), один из организаторов интервенции в период Гражданской войны в Советскую Россию.

— А вот если, — сказал Тальников, — там выберут Эрио¹⁵, то и совсем будет хорошо, я вам советую подготовить книгу рассказов в духе вашего последнего. На случай, если выберут Эрио.

Когда я приехал в провинцию, торговец Елизаров стал меня расспрашивать о новостях, выпытывая узнать, кто теперь руководит политикой и какие надо ему иметь виды на будущее в своем торговом деле, я ему ответил, что его будущее зависит от Эрио... Он вытаращил глаза»¹⁶.

Удивление торговца понятно; но даже из приведенного отрывка видно, что постепенно, порой еще не до конца осознанное, почти инстинктивное, но уже очевидное понимание целостности мира, частью которого являлась Советская Россия, переставало быть прерогативой лишь образованных слоев населения.

Своеобразной иллюстрацией этого может служить письмо активиста А. И. Вашкурцева в «Крестьянскую газету» (февраль 1927 г.). где он предлагает на партсобраниях в деревне на первое место ставить не вопросы международного положения, а местные, «не то что каких-то Макдональдов да У Пей Фу, которых ему и не выговорить». Словом, сначала о деле, а потом можно и о Чемберлене... И тут же — подборка писем селькоров с общим красноречивым названием «Довольно рады мужики занятию Шанхая»¹⁷.

Очевидно, что речь идет не об этнических, а именно о внешнеполитических стереотипах, которые доминировали в общественном сознании в 1920–1950-е годы.

Мир представал как в качестве *источника* вполне реальной *угрозы* (угрозы военной, угрозы для установившегося политического строя), так и, напротив, в качестве *источника благоприятных изменений*. В последнем случае речь идет не только о противниках Советской власти, ждавших извне осво-

¹⁵ Правильно — Эррио. Эррио Эдуар (1872–1957), лидер французский партии радикалов. С 1916 г. неоднократно занимал пост министра. Премьер-министр в 1924–1925, 1926, 1932 гг. Правительство Эррио установило дипломатические отношения (1924) и подписало договор о ненападении (1932) с СССР. В 1947–1954 гг. председатель Национального собрания, в 1905–1955 гг. (с перерывом) мэр Лиона.

¹⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. Кн. 4. М., 1999. С. 118.

¹⁷ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1116. Л. 24, 43.

бождения от власти большевиков, но и, в ряде случаев, о ее сторонниках. В их понимании, внешний мир, Запад в первую очередь, например, мог предоставить техническую или продовольственную помощь, выступить союзником в войне против общего врага или просто путем давления на советское правительство добиться некоторой корректировки политики (скажем, роспуска колхозов или снятия хотя бы части ограничений с деятельности православной церкви).

На первых порах большевики субъективно выступали как убежденные западники, однако та же историческая логика, которая в условиях господства традиционного сознания вела к окончательной догматизации и мифологизации марксистского учения, способствовала росту ксенофобии, ставшей на несколько десятилетий сущностной характеристикой советской политической культуры¹⁸.

Реальная идеологическая конфронтация с Западом накладывалась на механизмы массового сознания. Кризис патриархальной культуры, как бы он не был объективно обусловлен, означал стрессовое состояние для миллионов людей, которые, даже если не говорить о социально-политических потрясениях, революции, мировой и гражданской войне, вольно или невольно разорвали с привычной им социокультурной ситуацией. Весь традиционный опыт оказался перечеркнутым, но одновременно стрессовая ситуация вызывала к жизни самые архаические стереотипы (в смягченном виде эта ситуация была воспроизведена и в 1990-е годы, о чем речь пойдет ниже).

В результате Запад постепенно вновь обретает свою устойчивую характеристику внешней, «темной» зоны, расположенной за пределами непосредственно освоенной территории, зоны опасности, где действуют и господствуют силы, враждебные человеку.

Не случайно образ границы (в первую очередь, конечно, в обыденном смысле) являлся важной составляющей массового сознания тех лет. Актуальность этого образа на рациональном уровне подкреплялась как пропагандистскими стереотипами о враждебности «капиталистического окружения» вообще, так и повседневной необходимостью «держаться

¹⁸ См. об этом: Голубев А. В., Яковенко И. Г. Запад глазами русских (межвоенный период) // Россия и современный мир. 1997. № 1. С. 119–135.

границу на замке» — не только для «входа», но и для «выхода». И все же сакральный характер государственной границы как грани двух, абсолютно различных, миров, явственно прослеживается не только в массовом сознании, но и в сознании представителей политической элиты. Так, в черновых записях видного партийного деятеля А. С. Щербакова о поездке в Европу в 1935 г. описание переезда границы сопровождается следующей фразой: «Разница огромная, разница во всем, в большом и малом»¹⁹.

Одновременно сохраняла свою привлекательность идея технического прогресса по западному образцу. Пресса 1920-х — начала 30-х годов постоянно воспроизводила примеры лучшей организации промышленности или сельского хозяйства в развитых капиталистических странах. Однако в массовом сознании подобная агитация имела порой неожиданный эффект. Так, после публикации в «Известиях» цикла статей о крестьянском хозяйстве в Дании, группа зажиточных сибирских крестьян решила незамедлительно переселиться в эту страну. После появления в «Правде» статьи В. В. Осинского «Об американском автомобиле и русской телеге», как сообщалось из Сибири, во время коллективной читки у слушателей статьи «раздался глубокий вздох, обозначающий то, что вот есть же действительно такая счастливая и богатая страна... и за ним последовали новые вопросы и рассуждения о том, где эта самая счастливая страна находится, что за народ в ней живет и нельзя ли туда переехать на жительство сибирским мужикам?...» Что же касается основной мысли данной статьи о необходимости широко внедрять технику, в частности тракторы и автомобили, в российское сельское хозяйство, то она показалась слушателям «и не серьезной, и не требующей обсуждения»²⁰.

В целом отличительной чертой массового сознания 1920-х годов явилась поляризация представлений о внешнем мире, сопоставимая с поляризацией внутривнутриполитических позиций. Если для одних образ вчерашних союзников и Запада в целом — в соответствии с мифологией официальной — рисовался исключительно в мрачных тонах, то для других Запад представлял в виде зеркальной альтернативы всему происходящему в СССР, но уже с положительным знаком.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 467. Л. 1.

²⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 85. Д. 16. Л. 367–368.

В условиях экономического кризиса 1929–1933 гг. советская печать широко освещала действительно имевшие место факты резкого ухудшения положения широких масс, роста безработицы и социальной напряженности, массового разорения крестьянских хозяйств.

«Если охарактеризовать в двух словах истекший период, его можно было бы назвать периодом переломным. Он был переломным не только для нас, для СССР, но и для капиталистических стран всего мира. Но между этими двумя переломами существует коренная разница. В то время, как перелом этот означал для СССР поворот в сторону нового, более серьезного экономического подъема, для капиталистических стран перелом означал поворот к экономическому упадку» — заявил И. В. Сталин на XVI съезде²¹. Четыре года спустя, на XVII съезде, он высказался еще более определенно: «Среди этих бушующих волн экономических потрясений и военно-политических катастроф СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира. Если там, в капиталистических странах, все еще бушует экономический кризис, то в СССР продолжается подъем как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства»²².

Постепенно ситуация в странах Запада стабилизировалась, но тезис о постоянном ухудшении положения трудящихся (к нему было лишь добавлено определение «относительное») и нарастании классовой борьбы остался, догматизировался и воспроизводился при каждом удобном случае, со временем заменив собой идею «мировой революции».

В пропаганде утверждалось мало соответствующее реальности представление о том, что СССР является одним из основных мировых «центров притяжения». Англия и Америка, как говорил И. В. Сталин еще на XIV съезде в 1925 г., выступали в качестве такого центра для буржуазных правительств, а СССР — для рабочих Запада и революционеров Востока²³. Одновременно создавался образ СССР как позитивной альтернативы Западу.

Преувеличивалась роль СССР в международной политике. На самом деле в 1930-е годы даже в европейских делах западные

²¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 235.

²² Там же. Т. 13. С. 283

²³ Там же. Т. 7. С. 282.

страны предпочитали скорее игнорировать СССР, чем видеть в нем основного соперника. Ситуация стала меняться по мере нарастания фашистской угрозы, но и тогда потенциальные возможности СССР как союзника на Западе склонны были уменьшаться. Несомненно существовавшие в политике капиталистических стран антисоветские тенденции никогда не были определяющими именно из-за невысокого мнения о реальном весе СССР. Советская же пропаганда постоянно подчеркивала решающее влияние Советского Союза на всю систему международных отношений. Как писали «Известия» 29 июля 1931 г., СССР благодаря его размерам, социальной структуре и уровню развития являлся могущественной силой на мировой арене. «Советский Союз превратился в могучую социалистическую державу, оказывающую огромное воздействие на весь ход международного развития» — утверждалось в брошюре, изданной Наркоматом обороны и предназначенной для системы марксистско-ленинской учебы командного состава²⁴.

Неадекватное представление о роли СССР в мире сопровождалось возникновением своеобразной иллюзии превосходства в отношении достижений советской культуры. Признавая определенную отсталость культуры материальной, официальная пропаганда основной упор стала делать на успехах в области культуры вообще, и политической культуры в частности. Постепенно, особенно среди молодежи, сформировалось представление о том, что учиться у Запада уже нечему.

К концу 30-х годов стереотипы массового сознания в основном были сформированы именно официальной пропагандой. Это не означает, что они механически повторяли ее; зависимость на самом деле была гораздо более сложной. Пропаганда служила *основным материалом* для формирования стереотипов, которые порой упрощали ее до неузнаваемости, порой искажали, а иногда формировались просто «от противного», например: «положение безработного очень тяжелое, за несчастным супом стоят огромные очереди, а мы полностью снабжаем рабочий класс, что ему необходимо, но мы очень хорошо не можем снабжать, так как мы жертвуем в пользу социалистического строительства» — говорили на занятиях пропагандисты. А в ответ раздавались реплики: «Вы сравниваете

²⁴ Айрапетян М. Е. Этапы внешней политики СССР. (1917–1941). М., 1941. С. 93.

столь тяжелую жизнь в капиталистических странах, но это не так, ибо приезжие безработные из Америки лучше выглядят наших рабочих»²⁵. Характерно, что говорящие это не встречали, да и не могли встретить приехавших из Америки безработных.

Запад в целом, как подчеркивает культуролог И. Г. Яковенко, «оказывался одним из стержневых концептов, с которым соотносилось, отталкиваясь от которого самоосознавалось, по отношению к которому структурировалось советское общество»²⁶. Вместе с тем он никогда не был абсолютно однородным; напротив, среди западных стран, как в пропаганде, так и в массовом сознании, всегда выделялась страна, представляющая собой основную угрозу для СССР.

На протяжении большей части межвоенного периода это почетное звание сохраняла за собой Великобритания²⁷. В беседе с королем Афганистана Аманулла-ханом в мае 1928 г. нарком иностранных дел СССР Г. В. Чичерин так оценил ее восприятие в советском обществе: «У нас в самых широких слоях населения чувства к Англии абсолютно не нежные, ибо с самого начала нашего существования Англия на всех фронтах, повсюду создавала нам затруднения, играла главную роль в интервенции и теперь пытается прижать нас к стене... Не Англия имеет основания опасаться нашего нападения, но мы имеем основания опасаться нападения Англии. Готовит ли Англия сама войну против нас, мы увидим позже. Англия всегда стремилась толкать других вместо себя на военные действия. Она может толкнуть против нас Польшу»²⁸.

В начале 1930-х годов в качестве главного врага выступала, хоть и недолго, Франция. В брошюре о международном положении, вышедшей в 1931 г., ей был посвящен отдельный раздел с красноречивым названием «Франция — во главе наших врагов», в котором, в частности, подчеркивалось: «Главную, ведущую роль в подготовке интервенции против СССР играет

²⁵ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 16. Л. 9; Д. 23. Л. 101.

²⁶ Россия и Запад... С. 302.

²⁷ См.: Голубев А. В. Великобритания в сознании советского общества на рубеже 1920–30-х годов // Россия и Запад: диалог культур. М., 1994. С. 43–44; Он же. «Наш злоеший враг»: Британия в сознании советского общества 20–30-х гг. // Проблемы исторической психологии и взаимодействие мировоззрений в истории. Орел, 2000. С. 68–70.

²⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XI. М., 1965. С. 303.

Франция... Растущая мощь Германии и Италии, открытые уже заявления о необходимости пересмотра версальского договора заставляют Францию торопиться с подготовкой войны против СССР»²⁹.

С 1933 г. роль главного врага постепенно переходит к гитлеровской Германии. Однако после подписания пакта Молотова-Риббентропа и начала второй мировой войны, по крайней мере, на политическом и пропагандистском уровне, на первой место вновь выдвигается Великобритания (массовое сознание, впрочем, воспринимало это с большим трудом³⁰). В директиве Исполкома Коминтерна руководству английской компартии в сентябре 1939 г. прямо говорилось: «Не фашистская Германия, пошедшая на соглашение с СССР, является опорой капитализма, а реакционная антисоветская Англия с ее огромной колониальной империей»³¹.

За годы Германии прочно закрепила за собой первое место в списке врагов. И после войны, когда в официальной пропаганде это место прочно заняли Соединенные Штаты Америки, военный опыт по-прежнему многое определял в сознании советского общества³².

* * *

Предметом исследования в данной монографии являются представления о войне, потенциальных врагах и союзниках, формировавшиеся в советском обществе в 20–30-е годы.

Что касается советской пропаганды на тему грядущей войны, эта тема будет затрагиваться лишь вскользь, так как в последние годы вышел целый ряд обобщающих работ³³ и отдельных статей³⁴, посвященных этим сюжетам.

²⁹ Международное положение и угроза новой войны. Ростов н/Д., 1931. С. 12.

³⁰ Подробнее см.: Голубев А. В. «Царь Китаю не верит...»

³¹ Цит. по: Фирсов Ф. И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 22.

³² О формировании «образа врага» в послевоенную эпоху см.: Фатеев А. П. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999.

³³ Неvejeин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997; Он же. «Если завтра в поход...» Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах. М., 2007; Россия и Запад... С. 69–120.

³⁴ Багдасарян В. Э. Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х годов // Отечественная история. 2003. № 6. С. 31–46; Комков Г. Д. Патриотическое

Вместе с тем, представления о будущей войне, бытовавшие в массовом сознании, почти не являлись предметом научного исследования³⁵. В общих работах, посвященных изучению массового сознания 1930-х годов, тема будущей войны либо полностью отсутствует³⁶, либо только слегка затрагивается³⁷. Правда, в последние годы опубликован ряд статей, принадлежащих автору данной монографии³⁸.

воспитание советских людей в предвоенные годы (1938 — июнь 1941) // История СССР. 1980. № 3. С. 3–18; Он же. Политическая пропаганда и агитация в годы тяжелых испытаний // Духовный потенциал победы советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 36–61; Кузнецова М. В. Если завтра война: оборонные фильмы 1930-х годов // Историк и художник. 2005. № 2. С. 17–26; Кулешова Н. Ю. «Не нынче — завтра грянет бой»: образ грядущей войны и ее участников в литературе 1930-х годов // История России XIX–XX веков: Новые источники понимания. М., 2001. С. 247–267; Она же. «Большой день»: Грядущая война в литературе 1930-х годов // Отечественная история. 2002. № 1. С. 181–191; Она же. Армии капиталистических стран в 1930-е годы: два взгляда советской пропаганды // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 194–215; Неужин В. А. Размышления писателя о грядущей войне // Армия и общество. 1900–1941 гг. Статьи, документы. М., 1999. С. 270–293; и др.

³⁵ Исключением являются несколько статей, посвященных «военной тревоге» 1927 г. (см. главу 2), где тема массового сознания, впрочем, рассматривается в качестве второстепенной, а также две работы М. М. Кудюкиной: Кудюкина М. М. Угроза войны глазами красноармейцев в 1920-е годы // Война и мир в историческом процессе (ХУП–XX в.) Ч. 1. Волгоград, 2003. С. 277–284; Она же. Красная армия и «военные тревоги» второй половины 1920-х годов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 153–174; а также тезисы О. А. Гайлит: Гайлит О. А. Предчувствие войны в деревенских слухах 1930-х годов // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. Омск, 2005. С. 151–152.

³⁶ Шинкарчук С. А. Общественное мнение в Советской России в 30-е годы (по материалам Северо-Запада). СПб., 1995.

³⁷ Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda & Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997.

³⁸ См.: Голубев А. В. «Весь мир против нас»: Запад глазами советского общества 1930-х годов // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998. Выпуск 2. М. 2000. С. 286–323; Он же. «В осажденной крепости» (к вопросу о предпосылках «холодной войны») // Советское общество: будни холодной войны. М.: Арзамас, 2000. С. 40–56; Он же. Угроза войны в массовом сознании советского общества 1920–30-х гг. // Мавродинские чтения. СПб., 2002. С. 403–410; Он же. «Все капиталистические страны соединились против большевиков...» Российская провинция и представления о военной угрозе в 1920-е годы // Война и мир в историческом процессе (XVII–XX в.) Ч. 1. Волгоград, 2003. С. 284–290; Он же. Война и мир как фактор городской повседневности 1920-х годов // Город как феномен культуры. Ч. 2. Челябинск, 2006.

В монографию О. В. Дружбы вошел специальный параграф «Картина будущей войны в общественном сознании 30-х годов»³⁹. Однако как раз общественное сознание охарактеризовано там лишь в самом общем виде, к тому же достаточно односторонне. Большую часть параграфа занимают высказывания Сталина на тему о будущей войне, цитаты из советской прессы, характеристика книг и кинофильмов о будущей войне и т. п. Что касается представлений о войне, бытовавших среди населения, они, во-первых, проанализированы лишь применительно к предвоенным годам, и, во-вторых, анализ этот основан на нескольких мемуарах, дающих, однако, не совсем адекватную картину этих самых представлений.

В настоящей работе автор сознательно отказался от опоры на мемуары, используя их лишь в качестве отдельных иллюстраций. Как по цензурным соображениям (это относится прежде всего к мемуарам, выходявшим в советское время, но не только), так и по причине естественной аберрации памяти, все они написаны с учетом понимания того, что происходило позднее⁴⁰. Классическим примером может служить цитата А. И. Шахурина: «К тому времени, когда меня назначили наркомом (1940 г.), было совершенно ясно, что войны нам не избежать. Никто не ошибался и в отношении предполагаемого из воспоминаний наркома авиационной промышленности противника. Это могла быть только гитлеровская Германия»⁴¹. На самом деле в те годы не только в массовом сознании, но и среди военной и политической элиты, как будет показано ниже, существовали самые различные представления и об угрозе войны, и о предполагаемом противнике.

С. 300–306; Он же. «Если весь мир обрушится на нашу Республику»: призраки войны в советском обществе 1920–30-х годов // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007. С. 111–124.

³⁹ Дружба О. В. Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. Ростов н/Д., 2000. С. 7–19.

⁴⁰ Интересен отзыв о мемуарах известного ученого, принадлежащий одному из его учеников: «В первых воспоминаниях он был как бы пролетарий, во второй редакции он был из купцов, золотошвеев, в третьей книге он вдруг стал старообрядцем, а в последней оказался уже крайне богомольным и набожным человеком». Цит. по: Известия — Неделя. 2006. 29 декабря. С. 29.

⁴¹ Шахурин А. И. Крылья победы. М., 1984. С. 42.

В российской историографии прочно утвердилось мнение, что в сталинскую эпоху лишь немногие вели дневники, поскольку в период Большого террора, да и не только тогда, подобного рода записи могли осложнить положение их автора, если он оказывался под следствием. При этом были известны преимущественно дневники представителей творческой интеллигенции, которые обычно подвергали свои тексты, даже не предназначавшиеся для публикации, жёсткой самоцензуре. Как любое общее положение, в целом верное, данное представление требует вместе с тем ряда оговорок. Прежде всего, неизвестно реальное количество советских граждан, которые вели дневники, пусть и по разным причинам не дошедшие до нас, и какой их процент можно считать высоким, а какой — низким. Во-вторых, мы можем примерно оценить численность дневников, отложившихся в крупнейших архивохранилищах, таких как РГАЛИ, рукописные отделы РГБ и РНБ или, например, «Народный архив». Их действительно немного. Но кто скажет, сколько дневников хранится в местных или ведомственных архивах, в следственных делах НКВД или просто в семьях их авторов? Наконец, в последние годы в научный оборот полностью или частично вошли десятки дневников, которые вели колхозники и школьники, мелкие служащие и учителя, представители интеллектуальной и политической элиты. Причём некоторые из них охватывают большой временной период, содержат довольно обширную информацию и практически свободны от самоцензуры. Яркие тому примеры — многотомные дневники академика В. И. Вернадского, М. М. Пришвина и дневник Л. В. Шапориной.

По сравнению с воспоминаниями, дневники имеют то преимущество, что в них запечатлена сиюминутная ситуация, причём именно так, как её в данный момент воспринимает автор. Помимо своих собственных впечатлений и размышлений, он фиксирует мелочи быта, высказывания друзей и знакомых, своё отношение к тем или иным значимым событиям. Всё это достаточно редко отражается в других видах источников, за исключением, пожалуй, частных писем, но там подобные сюжеты гораздо более фрагментарны, да и частных писем, не считая «писем во власть», также сохранилось немного. И потому, когда были опубликованы дневники К. И. Чуковского,

И. И. Шитца, Вернадского, особенно Шапориной, у некоторых исследователей появилось искушение — поверить, что именно здесь, в этих достаточно искренних и, как правило, критических высказываниях и заключается подлинная правда о мыслях советских людей и настроениях советского общества.

В своё время такую же реакцию вызвала публикация информационных сводок НКВД — их сперва тоже объявляли единственно верным отражением ситуации в стране. Но постепенно возобладало более взвешенное отношение к этим материалам, которые имели свою специфику и при всём богатстве содержащихся в них сведений являются лишь одним, важным, но никак не заменяющим другие, источником по истории советского времени.

Изучая дневник, даже самый откровенный, автор которого пытается с максимальной объективностью фиксировать всё происходящее вокруг, необходимо помнить, что мы имеем дело лишь с отдельным фрагментом огромной мозаики. Но это вовсе не означает, что каждый конкретный дневник не заслуживает самого пристального и разностороннего изучения.

Данная монография основана в первую очередь на секретных информационных материалах 1920–30-х годов, которые готовились для всех уровней политического руководства, отражали сиюминутную ситуацию (иногда в масштабе одного-двух дней, иногда недели, декады, месяца или нескольких месяцев) и не предназначались для широкого использования.

Система «обратной связи», старательно создававшаяся большевиками, заслуживает отдельного рассмотрения. Она была достаточно многоканальной. Совершенствовалась и расширялась унаследованная от старого режима система перлюстрации, причем полученные с ее помощью материалы регулярно представлялись высшему руководству страны — подобная практика была заведена еще В. И. Лениным. Если в 1918–1920 годах цензоры выписывали лишь по несколько наиболее характерных фраз, то в 1924–1925 годах, отмечает современный исследователь, «письма копировались достаточно подробно: переписывалось все, что представляло интерес для информации о политических настроениях населения. Амплитуда выписок была широкой: условия повседневной жизни, обстановка в учебных заведениях, на предприятиях и в учреждениях, деревнях и воинских частях, сообщения о происше-

ствиях и преступлениях, отношении к властям и их деятельности, суждения об образовании, культуре, религии и политике. Советская власть очень хотела знать подлинные настроения, мысли и чувства народных масс, не ограничиваясь тем, что высказывалось на собраниях, и материалами официальной печати»⁴².

Подготовкой материалов, отражающих общественные настроения, занимался созданный в 1921 г. Информационный отдел ОГПУ; впрочем, материалы для него представляли и другие отделы, например особый, секретный, контрразведывательный, восточный и др. (в 1931 г. информационный отдел вошел в состав секретно-политического отдела). В годы войны его функции выполняло Третье управление НКВД СССР.

Существовал весьма многочисленный аппарат осведомителей. Были созданы «в каждом государственном, общественном, кооперативном и частном учреждении или предприятии, а также в вуз и там, где это представляется возможным» бюро содействия ГПУ, члены которых должны были систематически собирать информацию о всякого рода явлениях антисоветского характера, периодически представлять в ГПУ сводки о политическом состоянии личного состава учреждения или предприятия и т. д.⁴³

В дневнике одного из бывших осведомителей НКВД, сохранившемся в «Народном архиве», есть такая запись за 1934 год: «Вчера был в НКВД... 3 основные установки в моей работе. О настроениях масс по поводу революционного движения

⁴² Измозик В. С. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 33. Особый размах система перлюстрации получила в годы войны — так, только за ноябрь 1941 г. военная цензура проверила 5132374 письма (то есть 100% всех писем), причем было конфисковано 6912 писем (0,13%), частично вычеркнут текст в 56808 письмах (1,1%). См.: Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 158, 165.

⁴³ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и инструкция о создании и функциях «Бюро содействия» впервые частично были опубликованы С. А. Красильниковым. См.: Красильников С. А. Политбюро, ГПУ и интеллигенция в 1922–1923 гг. // Интеллигенция, общество, власть: опыт взаимоотношений (1917 — конец 1930-х гг.) Новосибирск, 1995. С. 53. Полный текст см.: В. И. Ленин: «Хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист» // Источник. 1996. № 1. С. 115–119; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003. С. 24–27.

в Испании. Октябрьские торжества и разговоры. Не подготавливается ли покушение на Сталина...»⁴⁴.

Количество осведомителей, завербованных органами ОГПУ-НКВД в 20–30-е годы неизвестно до сих пор. Существуют различные, как правило, преувеличенные оценки относительно масштабов агентурной сети. Однако соответствующие документы остаются под грифом «секретно»; более того, у части публикаторов есть тенденция даже упоминания о существовании агентуры (например, в информационных сводках) рассматривать как «раскрытие методов оперативной работы» и вычеркивать из документов. Впрочем, некоторое представление о масштабах агентурной сети могут дать отрывочные свидетельства: так, осенью 1941 г. часть агентурной московской сети была переведена на нелегальное положение на случай занятия города и области немцами. Эта часть составила по Москве 553 чел., по области 123 чел., всего 676 чел. По свидетельству Н. А. Ломагина, в годы войны в действующей армии численность осведомителей особых отделов составляла примерно 3% личного состава (в частности, в войсках Ленинградского фронта это составляло около 15 тыс. человек)⁴⁵.

Что касается «объектов» внимания, дело обстоит следующим образом. В годы нэпа председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский предлагал, в частности, следующее: «Надо всю интеллигенцию разбить по группам. Примерно: 1) беллетристы, 2) публицисты и политики; 3) экономисты (здесь необходимы подгруппы: а) финансисты, б) топливники, в) транспортники, г) торговля, д) кооперация и т. д.); 4) техники (здесь тоже подгруппы: 1) инженеры, 2) агрономы, 3) врачи, 4) генштабисты и т. д.); 5) профессора и преподаватели и т. д. и т. п. Сведения должны собираться нашими отделами в отдел по интеллигенции. **На каждого интеллигента должно быть заведено дело** [курсив мой. — А. Г.] Каждая группа и подгруппа должна быть освещена всесторонне компетентными товарищами, между которыми эти группы должны распределяться нашим отделом. Сведения должны проверяться с разных сторон, так, чтобы наше заключение было безошибочным».

⁴⁴ Цит. по: Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 232.

⁴⁵ См.: Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995; Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. В 2-х кн. СПб.; М., 2002. Кн. 1. С. 169.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru